

«Детское чтение для сердца и разума»
Н. М. Карамзин

РОМАН-ГАЗЕТА

2006 (79)

Детской

УГОЛОК РОССИИ:
Город царевича Димитрия

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
Голубая бусинка

О. Генри
Вождь Краснокожих

Художник
Н. УСТИНОВ

Иван Суриков

(1841—1880)

Зима

Белый снег, пушистый
В воздухе кружится
И на землю тихо
Падает, ложится.
И под утро снегом
Поле забелело,
Точно пеленою
Всё его одело.

Тёмный лес что шапкой
Принакрылся чудной
И заснул под нею
Крепко, непробудно...

Божьи дни коротки,
Солнце светит мало.
Вот пришли морозцы —
И зима настала.

Труженик крестьянин
Вытащил санишки,
Снеговые горы
Строят ребятишки.

Уж давно крестьянин
Ждал зимы и стужи,
И избу соломой
Он укрыл снаружи.

Чтобы в избу ветер
Не проник сквозь щели,
Не надули б снега
Вьюги и метели.

Он теперь покоен —
Всё кругом укрыто.
И ему не страшен
Злой мороз, сердитый.

Б.Кустодиев
Дети в маскарадных костюмах.
1909 г.

В номере:

- 3** *О. Генри*
Вождь Краснокожих
- 12** РУССКИЙ МУЗЕУМ
Владислав Бахревский
Красный конь
- 14** ЛИЦЕЙ
Азбука живописи
- 15** РАССКАЗЫ
Дмитрий Емец
Маскировка
- 18** УГОЛОК РОССИИ
Владимир Волков
Город царевича Димитрия
- 20** СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК
Капитолина Родионова
Голубая бусинка
- 21** ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ
- 22** ЖИВОЙ УГОЛОК
Александр Иванов
Воробьиное зимовье
- 23** УМЕЛЫЕ РУКИ
Покормите птиц!
- 23** ИГРОТЕКА
- 24** СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор
Юрий Козлов

Главный художник
Юрий Коннов

Заместитель главного редактора
Ирина Платонов

Редактор-составитель
Екатерина Рощина

Художественное редактирование и макет
Татьяна Погудина

Зав. производством
Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка и цветоделение
Александр Муравенко

Корректор
Людмила Пономаренко

Финансовая группа
Елена Петрова
Людмила Дьячкова

Зав. распространением
Ирина Бродянская

Юриисконсульт
Виктор Кудинов

Приёмная редакции
Нина Кошелева

Журнал выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован Министерством общего и профессионального образования РФ для внеклассного чтения

Подписные индексы в каталоге агентства «Роспечать»:
72766 — на полгода
71899 — на год

Учредитель: ЗАО «Роман-газета»
Адрес редакции: 107078, Москва, ул. Новая Басманная, 19.
Тел. (095) 261-84-61
Факс (095) 261-49-29

e-mail: rg@netman.ru;
roman_gazeta@pisem.net
Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати. Свидетельство о регистрации № 01384 от 27 июня 1995 г. Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат» (142300, г. Чехов Московской обл.) Тел. (501) 443-92-17, (272) 6-25-36 e-mail: chpk_marketing@chehov.ru Тираж 4500 экз.

В розницу цена свободная
Заказ № 5131

Журнал для детей среднего школьного возраста
© «Роман-газета», 2005 г.
Авторов материалов, использованных в этом номере, просим обращаться в редакцию

Выпуск издания осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Вождь

О. Генри

Краснокожих

Художник
С. АЛИМОВ

Дельце как будто подвёртывалось выгодное. Но погодите, дайте я вам сначала расскажу. Мы были тогда с Биллом Дрисколлом на Юге, в штате Алабама. Там нас осенила блестящая идея насчёт похищения. Должно быть, как говаривал потом Билл, «нашло временное помрачение ума», — только мы-то об этом догадались много позже.

Есть там один городишко, плоский, как блин, и, конечно, называется Вершины. Живёт в нём самая безобидная и всем довольная деревенщина, какой в пору только плясать вокруг майского шеста.

У нас с Биллом было в то время долларов шестьсот объединённого капитала, а требовалось нам ещё ровно две тысячи на проведение жульнической спекуляции земельными участками в Западном Иллинойсе. Мы поговорили об этом, сидя на крыльце гостиницы. Чалолюбие, говорили мы, сильно развито в полудеревенских общинах, а поэтому, а также и по другим причинам, план похищения легче будет осуществить здесь, чем в радиусе действия газет, которые поднимают в таких случаях шум, рассылая во все стороны переодетых корреспондентов. Мы знали, что городишко не может послать за нами в погоню ничего страшнее констеблей, да каких-нибудь сентиментальных ищеек, да двух-трех обличительных заметок в «Еженедельном бюджете фермера». Как будто получалось недурно.

Мы выбрали нашей жертвой единственного сына самого видного из горожан, по имени Эбенезер Дорсет. Папаша был человек почтенный и прижимистый, любитель просроченных закладных, честный и неподкупный церковный

сборщик. Сынком был мальчишка лет десяти, с выпуклыми веснушками по всему лицу и волосами приблизительно такого цвета, как обложка журнала, который покупаешь обычно в киоске, спеша на поезд. Мы с Биллом рассчитывали, что Эбенезер сразу выложит нам за сынка две тысячи долларов, никак не меньше. Но погодите, дайте я вам сначала расскажу.

Милях в двух от города есть невысокая гора, поросшая густым кедровником. В заднем склоне этой горы имеется пещера. Там мы сложили провизию.

Однажды вечером, после захода солнца, мы проехали в шарабане мимо дома старика Дорсета. Мальчишка был на улице и швырял камнями в котёнка, сидевшего на заборе.

— Эй, мальчик! — говорит Билл. — Хочешь получить пакетик леденцов и прокатиться?

Мальчишка засветил Биллу в самый глаз обломком кирпича.

— Это обойдётся старику в лишних пятьсот долларов, — сказал Билл, перелезая через колесо.

Мальчишка этот дрался, как бурый медведь среднего веса, но в конце концов мы его запихали на дно шарабана и поехали. Мы отвели мальчишку в пещеру, а лошадь я привязал в кедровнике. Когда стемнело, я отвёз шарабан в деревушку, где мы его нанимали, милях в трёх от нас, а оттуда прогулялся к горе пешком.

Смотрю, Билл заклеивает липким пластырем царапины и ссадины на своей физиономии. Позади большой скалы у входа в пещеру горит костёр, и мальчишка с двумя ястребиными перьями в рыжих волосах следит за кипящим кофейником. Подхожу я, а он нацелился в меня палкой и говорит:

— А, проклятый бледнолицый, как ты смеешь являться в лагерь Вождя Краснокожих, грозы равнин?

— Сейчас он еще ничего, — говорит Билл, закатывая штаны, чтобы разглядеть ссадины на голени. — Мы играем в индейцев. Цирк по сравнению с нами — просто виды Палестины в волшебном фонаре. Я старый охотник Хенк, пленник Вождя Краснокожих, и на рассвете с меня снимут скаल्प. Святые мученики! И здоров же лягаться этот мальчишка!

Да, сэр, мальчишка, видимо, веселился вовсю. Жить в пещере ему понравилось, он и думать забыл, что он сам пленник. Меня он тут же окрестил Змеиным Глазом и Соглядатаем и объявил, что, когда его храбрые воины вернутся из похода, я буду изжарен на костре, как только взойдёт солнце.

Потом мы сели ужинать, и мальчишка, набив рот хлебом с грудинкой, начал болтать. Он произнёс застольную речь в таком роде:

— Мне тут здорово нравится. Я никогда ещё не жил в лесу; зато у меня был один раз ручной опоссум, а в прошлый день рождения мне исполнилось девять лет. Терпеть не могу ходить в школу. Крысы сожрали шестнадцать штук яиц из-под рябой курицы тётки Джимми Талбота. А настоящие индейцы тут в лесу есть? Я хочу ещё подливки. Ветер отчего дует? Оттого, что деревья качаются? У нас было пять штук щенят. Хенк, отчего у тебя нос такой красный? У моего отца денег видимо-невидимо. А звёзды горячие? В субботу я два раза отлупил Эда Уокера. Не люблю девчонок! Жабу не очень-то поймаешь, разве только на верёвочку. Быки режут или нет? Почему апельсины круглые? А кровати у вас в пещере есть? Амос Меррей — шестипалый. Попугай умеет говорить, а обезьяна и рыба — нет. Дюжина — это сколько будет?

Каждые пять минут мальчишка вспоминал, что он краснокожий, и, схватив палку, которую он называл ружьём, крался на цыпочках ко входу в пещеру выслеживать лазутчиков ненавистных бледнолицых. Время от времени он испускал военный клич, от которого бросало в дрожь старого охотника Хенка. Билла этот мальчишка запугал с самого начала.

— Вождь Краснокожих, — говорю я ему, — а домой тебе разве не хочется?

— А ну их, чего я там не видал? — говорит он. — Дома ничего нет интересного. В школу ходить я не люблю. Мне нравится жить в лесу. Ты ведь не отвёдешь меня домой, Змеиный Глаз?

— Пока не собираюсь, — говорю я. — Мы ещё поживём тут в пещере.

— Ну ладно, — говорит он. — Вот здорово! Мне никогда в жизни не было так весело.

Мы легли спать часов в одиннадцать. Расстелили на землю шерстяные и стёганые одеяла, посередине уложили Вождя Краснокожих, а сами легли с краю. Что он сбежит, мы не боялись. Часа три он, не давая нам спать, всё вскакивал, хватал своё ружьё; при каждом треске сучка и шорохе листьев его юному воображению чудилось, будто к пещере подкрадывается шайка разбойников, и он верещал на ухо то мне, то Биллу: «Тише, приятель!» Под конец я заснул тревожным сном и во сне видел, будто меня похитил и приковал к дереву свирепый пират с рыжими волосами.

На рассвете меня разбудил страшный визг Билла. Не крики, или вопли, или вой, или рёв, какого можно было бы ожидать от голосовых связок мужчины, —

нет, прямо-таки неприличный, ужасающий, унижительный визг, каким визжат женщины, увидев привидение или гусеницу. Ужасно слышать, как на утренней заре в пещере визжит без умолку толстый, сильный, отчаянной храбрости мужчина.

Я вскочил с постели посмотреть, что такое делается. Вождь Краснокожих сидел на груди Билла, вцепившись одной рукой ему в волосы. В другой руке он держал острый ножик, которым мы обыкновенно резали грудинку, и самым деловитым и недвусмысленным образом пытался снять с Билла скальп, выполняя приговор, который вынес ему вчера вечером.

Я отнял у мальчишки ножик и опять уложил его спать. Но с этой самой минуты дух Билла был сломлен. Он улёгся на своём краю постели, однако больше уже не сомкнул глаз за всё то время, что мальчик был с нами. Я было задремал ненадолго, но к восходу солнца вдруг вспомнил, что Вождь Краснокожих обещался сжечь меня на костре, как только взойдёт солнце. Не то чтобы я нервничал или боялся, а всё-таки сел, закурил трубку и прислонился к скале.

— Чего ты поднялся в такую рань, Сэм? — спросил меня Билл.

— Я? — говорю. — Что-то плечо ломит. Думаю, может, легче станет, если посидеть немного.

— Врёшь ты, — говорит Билл. — Ты боишься. Тебя он хотел сжечь на рассвете, и ты боишься, что он так и сделает. И сжёт бы, если б нашёл спички. Ведь это просто ужас, Сэм. Уж не думаешь ли ты, что кто-нибудь станет платить деньги за то, чтобы такой дьяволёнок вернулся домой?

— Думаю, — говорю я. — Вот как раз таких-то хулиганов и обожают родители. А теперь вы с Вождём Краснокожих вставайте и готовьте завтрак, а я поднимусь на гору и произведу разведку.

Я взошёл на вершину маленькой горы и обвёл взглядом окрестности. В направлении города я ожидал увидеть дюжих фермеров, с косами и вилами рыскающих в поисках похитителей. А вместо того я увидел мирный пейзаж, и оживлял его единственный человек, пахавший на сером муле. Никто не бродил с баграми вдоль реки; всадники не скакали взад и вперёд и не сообщали безутешным родителям, что пока ещё ничего не известно.

Сонным спокойствием лесов веяло от той части Алабамы, которая простиралась перед моими глазами.

«Может быть, — сказал я самому себе, — ещё не обнаружено, что волки унесли ягнёнка из загона. Помогите, Боже, волкам!» И я спустился с горы завтракать.

Подхожу ближе к пещере и вижу, что Билл стоит, прижавшись к стенке, и едва дышит, а мальчишка собирает его трахнуть камнем чуть ли не с кокосовый орех величиной.

— Он сунул мне за шиворот с пылу горячую картошку, — объяснил Билл, — и раздавил её ногой, а я ему надрал уши. Ружьё с тобой, Сэм?

Я отнял у мальчишки камень и кое-как уладил это недоразумение.

— Я тебе покажу! — говорит мальчишка Биллу. — Ещё ни один человек не ударил Вождя Краснокожих, не поплатившись за это. Так что ты берегись!

После завтрака мальчишка достаёт из кармана кусок кожи, обмотанный бечёвкой, и идёт из пещеры, разматывая бечёвку на ходу.

— Что это он теперь затеял? — тревожно спрашивает Билл. — Как ты думаешь, Сэм, он не убежит домой?

— Не бойся, — говорю я. — Он, кажется, вовсе не такой уж домосед. Однако нам нужно придумать какой-то план насчёт выкупа. Не видно, чтобы в городе

особенно беспокоились из-за того, что он пропал, а может быть, ещё не пронюхали насчёт похищения. Родные, может, думают, что он остался ночевать у тёти Джейн или у кого-нибудь из соседей. Во всяком случае, сегодня его должны хватиться. К вечеру мы пошлём его отцу письмо и потребуем две тысячи долларов выкупа.

И тут мы услышали что-то вроде военного клича, какой, должно быть, испустил Давид, когда нокаутировал чемпиона Голиафа. Оказывается, Вождь Краснокожих вытащил из кармана пращу и теперь крутил её над головой.

Я увернулся и услышал глухой тяжёлый стук и что-то похожее на вздох лошади, когда с неё снимают седло. Чёрный камень величиной с яйцо стукнул Билла по голове как раз позади левого уха. Он сразу весь обмяк и упал головою в костёр, прямо на кастрюлю с кипятком для мытья посуды. Я вытащил его из огня и целых полчаса поливал холодной водой.

Понемножку Билл пришёл в себя, сел, пощупал за ухом и говорит:

— Сэм, знаешь, кто у меня любимый герой в Библии?

— Ты погоди, — говорю я. — Мало-помалу придёшь в чувство.

— Царь Ирод, — говорит он. — Ты ведь не уйдёшь, Сэм, не оставишь меня одного?

Я вышел из пещеры, поймал мальчишку и начал так его трясти, что веснушки застучали друг о друга.

— Если ты не будешь вести себя как следует, — говорю я, — я тебя сию минуту отправлю домой. Ну, будешь ты слушаться или нет?

— Я ведь только пошутил, — сказал он, надувшись. — Я не хотел обижать старика Хенка. А он зачем меня ударил? Я буду слушаться, Змеинный Глаз, только ты не отправляй меня домой и позволь мне сегодня играть в разведчиков.

— Я этой игры не знаю, — сказал я. — Это уж вы решайте с мистером Биллом. Сегодня он будет с тобой играть. Я сейчас уйду ненадолго по делу. Теперь ступай помирись с ним да попроси прощения за то, что ты его ушиб, а не то сейчас же отправишься домой.

Я заставил их пожать друг другу руки, потом отвёл Билла в сторонку и сказал ему, что уйду в деревушку Поплар-Ков, в трёх милях от пещеры, и попробую узнать, как смотрят в деревне на похищение младенца. Кроме того, я думаю, что будет лучше в этот же день послать угрожающее письмо старику Дорсету с требованием выкупа и наказом, как именно следует его уплатить.

— Ты знаешь, Сэм, — говорит Билл, — я всегда был готов за тебя в огонь и воду, не моргну глазом во время землетрясения, игры в покер, динамитных взрывов, полицейских облав, нападений на поезда и циклонов. Я никогда ничего не боялся, пока мы не украли эту двуногую ракету. Он меня доконал. Ты ведь не оставишь меня с ним надолго, Сэм?

— Я вернусь к вечеру, что-нибудь около этого, — говорю я. — Твоё дело занимать и успокаивать ребёнка, пока я не вернусь. А сейчас мы с тобой напишем письмо старику Дорсету.

Мы с Биллом взяли бумагу и карандаш и стали сочинять письмо, а Вождь Краснокожих тем временем расхаживал взад и вперёд, закутавшись в одеяло и охраняя вход в пещеру. Билл со слезами просил меня назначить выкуп в полторы тысячи долларов вместо двух.

— Я вовсе не пытаюсь унижить прославленную, с моральной точки зрения, родительскую любовь, но ведь мы имеем дело с людьми, а какой же человек нашёл бы в себе силы заплатить две тысячи долларов за эту веснушчатую дикую кошку! Я согласен рискнуть: пускай будет полторы тысячи долларов. Разницу можешь отнести на мой счёт.

Чтобы утешить Билла, я согласился, и мы с ним вместе состряпали такое письмо:

«Эбенезеру Дорсету, эсквайру»

Мы спрятали вашего мальчика в надёжном месте, далеко от города. Не только вы, но даже самые ловкие сыщики напрасно будут его искать. Окончательные, единственные условия, на которых вы можете получить его обратно, следующие: мы требуем за его возвращение полторы тысячи долларов; деньги должны быть оставлены сегодня в полночь на том же месте и в той же коробочке, что и ваш ответ, — где именно, будет сказано ниже. Если вы согласны на эти условия, пришлите ответ в письменном виде с кем-нибудь одним к половине девятого. За бродом через Словинный ручей по дороге к Тополёвой роще растут три больших дерева на расстоянии ста ярдов одно от другого, у самой изгороди, что идёт мимо пшеничного поля, с правой стороны. Под столбом этой изгороди, напротив третьего дерева, ваш посланный найдёт небольшую картонную коробку.

Он должен положить ответ в эту коробку и немедленно вернуться в город.

Если вы попытаетесь выдать нас или не выполните наших требований, как сказано, вы никогда больше не увидите вашего сына.

Если вы уплатите деньги, как сказано, он будет вам возвращён целым и невредимым в течение трёх часов. Эти условия окончательны, и, если вы на них не согласитесь, всякие дальнейшие сообщения будут прерваны.

«Два злодея»

Я надписал адрес Дорсета и положил письмо в карман. Когда я уже собрался в путь, мальчишка подходит ко мне и говорит:

— Змеиный Глаз, ты сказал, что мне можно играть в разведчика, пока тебя не будет.

— Играй, конечно, — говорю я. — Вот мистер Билл с тобой поиграет. А что это за игра такая?

— Я разведчик, — говорит Вождь Краснокожих, — и должен скакать на заставу, предупредить поселенцев, что индейцы идут. Мне надоело самому быть индейцем. Я хочу быть разведчиком.

— Ну ладно, — говорю я. — По-моему, вреда от этого не будет. Мистер Билл поможет тебе отразить нападение свирепых дикарей.

— А что мне надо делать? — спрашивает Билл, подозрительно глядя на мальчишку.

— Ты будешь конь, — говорит разведчик. — Становись на четвереньки. А то как же я доскачу до заставы без коня?

— Ты уж лучше займи его. — сказал я, — пока наш план не будет приведён в действие. Порезись немножко.

Билл становится на четвереньки, и в глазах у него появляется такое выражение, как у кролика, попавшего в западню.

— Далеко ли до заставы, малыш? — спрашивает он довольно-таки хриплым голосом.

— Девяносто миль, — отвечает разведчик. — И тебе придётся поторопиться, чтобы попасть туда вовремя. Ну, пошёл!

Разведчик вскакивает Биллу на спину и вонзает пятки ему в бока.

— Ради бога, — говорит Билл, — возвращайся, Сэм, как можно скорее! Жалко, что мы назначили такой выкуп, надо бы не больше тысячи. Слушай, ты перестань меня лягать, а не то я вскочу и огрею тебя как следует!

Я отправился в Поплар-Ков, заглянул на почту и в лавку, посидел там, поговорил с фермерами, которые приходили за покупками. Один бородач слышал, будто бы весь город переполошился из-за того, что у Эбенезера Дорсета пропал или украден мальчишка. Это-то мне и нужно было знать. Я купил табак, справился мимоходом, почём нынче горох, незаметно опустил письмо в ящик и ушёл. Почтмейстер сказал мне, что через час проедет мимо почтальон и заберёт городскую почту.

Когда я вернулся в пещеру, ни Билла, ни мальчишки нигде не было видно. Я произвёл разведку в окрестностях пещеры, отважился раза два аукнуть, но мне никто не ответил. Я закурил трубку и уселся на моховую кочку ожидать дальнейших событий.

Приблизительно через полчаса в кустах зашелестело, и Билл выкатился на полянку перед пещерой. За ним крался мальчишка, ступая бесшумно, как разведчик, и ухмыляясь во всю ширь своей физиономии. Билл остановился, снял шляпу и вытер лицо красным платком. Мальчишка остановился футах в восьми позади него.

— Сэм, — говорит Билл, — пожалуй, ты сочтёшь меня предателем, но я просто не мог терпеть. Я взрослый человек, способен к самозащите, и привычки у меня мужественные, однако бывают случаи, когда всё идёт прахом — и сомнение и самообладание. Мальчик ушёл. Я отослал его домой. Всё кончено. Бывали мученики в старое время, которые скорее были готовы принять смерть, чем расстаться с любимой профессией. Но никто из них не подвергался таким сверхъестественным пыткам, как я. Мне хотелось остаться верным нашему грабительскому уставу, но сил не хватило.

— Что такое случилось, Билл? — спрашиваю я.

— Я проскакал все девяносто миль до заставы, ни дюймом меньше, — отвечает Билл. — Потом, когда поселенцы были спасены, мне дали овса. Песок — неважная замена овсу. А потом я битый час должен был объяснять, почему в дырках ничего нету, зачем дорога идёт в обе стороны и отчего трава зелёная. Говорю тебе, Сэм, есть предел человеческому терпению. Хватаю мальчишку за шиворот и тащу с горы вниз. По дороге он меня лягает, все ноги от колен книзу у меня в синяках; два-три укуса в руку и большой палец мне придётся приречь. Зато он ушёл, — продолжает Билл, — ушёл домой. Я показал ему дорогу в город, да ещё и подшвырнул его пинком футов на восемь вперёд. Жалко, что выкуп мы теряем, ну да ведь либо это, либо мне отправляться в сумасшедший дом.

Билл пыхтит и отдувается, но его ярко-розовая физиономия выражает неизъяснимый мир и полное довольство.

— Билл, — говорю я, — у вас в семье ведь нет сердечных болезней?

— Нет, — говорит Билл, — ничего такого хронического, кроме малярии и несчастных случаев. А что?

— Тогда можешь обернуться, — говорю я, — и поглядеть, что у тебя за спиной.

Билл оборачивается, видит мальчишку, разом бледнеет, плюхается на землю и начинает бессмысленно хвататься за траву и мелкие щепочки. Целый час я опасался за его рассудок. После этого я сказал ему, что, по-моему, надо кончать это дело моментально и что мы успеем получить выкуп и смыться ещё до полуночи, если старик Дорсет согласится на наше предложение. Так что Билл немного подбодрился, настолько даже, что через силу улыбнулся мальчишке и пообещал ему изображать русских в войне с японцами, как только ему станет чуточку полегче.

Я придумал, как получить выкуп без всякого риска быть захваченным противной стороной, и мой план одобрил бы всякий профессиональный похититель. Дерево, под которое должны были положить ответ, а потом и деньги, стояло у самой дороги; вдоль дороги была изгородь, а за ней с обеих сторон — большие голые поля. Если бы того, кто придёт за письмом, подстерегала шайка констеблей, его увидели бы издалека на дороге или посреди поля. Так нет же, голубчики! В половине девятого я уже сидел на этом дереве, спрятавшись не хуже древесной лягушки, и поджидал, когда появится посланный.

Ровно в назначенный час подъезжает на велосипеде мальчишка-подросток, находит картонную коробку под столбом, засовывает в неё сложенную бумажку и укатывает обратно в город.

Я подождал ещё час, пока не уверился, что подвоха тут нет. Слез с дерева, достал записку из коробки, прокрался вдоль изгороди до самого леса и через полчаса был уже в пещере. Там я вскрыл записку, подсел поближе к фонарю и прочёл её Биллу. Она была написана чернилами, очень неразборчиво, и самая суть её заключалась в следующем:

«Двум злодеям

Джентльмены, с сегодняшней почтой я получил ваше письмо насчёт выкупа, который вы просите за то, чтобы вернуть мне сына. Думаю, что вы запрашиваете лишнее, а потому делаю вам со своей стороны контрпредложение и полагаю, что вы его примете. Вы приводите Джонни домой и платите мне двести пятьдесят долларов наличными, а я соглашусь взять его у вас с рук долой. Лишь приходите ночью, а то соседи думают, что он пропал без вести, и я не отвечаю за то, что они сделают с человеком, который приведёт Джонни домой.

С совершенным почтением

Эбенезер Дорсет»

— Великие пираты! — говорю я. — Да ведь этакой наглости...

Но тут я взглянул на Билла и замолчал. У него в глазах я заметил такое умоляющее выражение, какого не видел прежде ни у бессловесных, ни у говорящих животных.

— Сэм, — говорит он, — что такое двести пятьдесят долларов, в конце концов? Деньги у нас есть. Ещё одна ночь с этим мальчишкой — и придётся меня свести в сумасшедший дом. Кроме того, что мистер Дорсет настоящий джентльмен, он, по-моему, ещё и расточитель, если делает нам такое великодушное предложение. Ведь ты не собираешься упускать такой случай, а?

— Сказать тебе по правде, Билл, — говорю я, — это сокровище что-то и мне действует на нервы! Мы отвезём его домой, заплатим выкуп и смоемся куда-нибудь подальше.

В ту же ночь мы отвезли мальчишку домой. Мы его уговорили — наплели, будто бы отец купил ему винтовку с серебряной насечкой и мокасины и будто бы завтра мы с ним поедem охотиться на медведя.

Было ровно двенадцать часов ночи, когда мы постучались в парадную дверь Эбenezера. Как раз в ту самую минуту, когда я должен был извлекать полторы тысячи долларов из коробки под деревом. Билл отсчитывал двести пятьдесят долларов в руку Дорсету.

Как только мальчишка обнаружил, что мы собираемся оставить его дома, он поднял вой не хуже пароходной сирены и вцепился в ногу Билла, словно пиявка. Отец отдирал его от ноги, как липкий пластырь.

— Сколько времени вы сможете его держать? — спрашивает Билл.

— Силы у меня уж не те, что прежде, — говорит старик Дорсет, — но думаю, что за десять минут могу вам ручаться.

— Этого довольно, — говорит Билл. — В десять минут я пересеку Центральные, Южные и Среднезападные штаты и свободно успею добежать до канадской границы.

Хотя ночь была очень тёмная, Билл очень толст, а я умел очень быстро бегать, я нагнал его только в полутора милях от города.

О. Генри (1862—1910)

Писателя, которого мы знаем под именем О. Генри, на самом деле звали Уильям Сидни Портер. Откуда же взялся такой странный псевдоним? Из старой ковбойской песни, где есть такие слова: «Скажи мне, о, Генри, какой приговор?» Вместо запятой У.С. Портер поставил точку, и получилось — О. Генри.

Мы знаем О. Генри как автора очень смешных и остроумных рассказов. Его жизнь была нелегка: аптекарь, ковбой,

чертёжник, кассир, редактор юмористического листка, репортёр, бродяга, каторжник... Судьба его, с неожиданностями и превратностями, взлётами и падениями, была вполне характерна для американской действительности того времени.

В новеллах О. Генри представлен мир американской жизни конца XIX — начала XX века. Главные герои его произведений — это «маленькие» люди. Новеллы «Дары волхвов», «Пурпурное платье», «Последний лист», «Коловращение жизни» — подлинные шедевры мировой литературы.

Владислав Бахревский

*Кузьма Сергеевич
Петров-Водкин
(1878—1939) —
живописец, рисоваль-
щик, писал портреты,
натюрморты, жанро-
вые картины. Самые
известные полотна
Петрова-Водкина —
«Играющие мальчики»,
«Купание красного
коня», «Полдень»,
«Мать», «Смерть
комиссара»,
«1919 год. Тревога».*

Автопортрет. 1918 г.

В ту пору не было другого молодого человека, который умел бы учиться так, как художник Петров-Водкин. Друзья по студии мчались в Париж за метительной европейской известностью. Он и в Париже учился.

Начинал мальчиком в старообрядческих скитах под Хвалынском, учился у старцев, что писали иконы, поддельываясь под строгость потемневшей древности. Его школа была в Самаре, в мастерской вывесок. Он учился в Петербурге, в Москве, в Мюнхене, в Милане, Флоренции, Риме, Неаполе, в Париже. Он учился у провинциала Бурова, у барона Штиглица, у слащавого Семирадского и строгого Касаткина, у Валентина Серова и Александра Иванова, а также у немцев Бёклина, Штука, Ленбаха, а также у итальянцев Джотто, Мазаччо, у великих Рафаэля и Леонардо да Винчи, а также у французов — и классиков, и тех, кто сотворил новое искусство: у Матисса, Тулуз-Лотрека, Гогена, Сезанна, Ван Гога и даже у Пюви де Шаванна.

Когда неизвестный русской публике художник Петров-Водкин вернулся из Парижа, он первым делом направился в дом Александра Бенуа. Бенуа не только был умным и значительным человеком, не только знал все русские художественные течения и начинания — он умел влиять на общественное мнение, а значит, и на судьбы художников: мог возвысить, а мог и замолчать.

Бенуа не принял незнакомца. У того было чересчур русское имя и совсем уж русская фамилия. Не к столу, за которым приобщались к тайнам мысли, пришёлся Кузьма да Сергеевич да Петров-Водкин...

Помог редактор журнала «Аполлон». Он организовал выставку; и оказалось, что Петров-Водкин именно тот художник, какого хотела публика. Он дал ей «Элегию», «Берег», «Сон», греческие фигуры, играющих мальчиков. Это были годы, когда русская интеллигенция увлекалась таинственным, потусторонним, невероятным и непостижимым.

Реалисты его прокляли, салонные художники вместо объятий вежливо раскланивались и смотрели выжидающе. Это были тонкие люди, они чуяли в нём другое. Он тоже знал, что он другое, что он не подмастерье, не из какого-то там салона, а мастер. И он ещё не написал полотна, которого от него ждали. И ведь сам он ждал — и был несчастлив...

Близилась очередная выставка «Мира искусств», от художника ждали новых чудес, но чудеса с неба не падают.

Стояло взять кисть — и подступала к горлу тошнота, словно стол перед тобой ломится от всяческого мяса, а ты уже сыт через меру.

Он жил по-столичному. А думал — о лошадях. Чем безнадежнее метался, тем чаще приходила мысль написать деревню. Написать детство. В детской искренности было спасение от книжной мудрости, от красот Греции и Франции, от изощренности и презрительности столиц.

Мастерство тяготило.

Он умел так сталкивать цвета, что они бросались друг на друга с криком, они орали, они боролись, а зритель глядел на этот разбой и не мог наглядеться.

Он умел так сталкивать цвета, что они «жили ласково один возле другого», а зритель глядел на них в спокойствии и не мог наглядеться.

Мастерство требовало выхода, но достойного, под стать себе. Нужно было написать простое, такое же знакомое каждому, как «Ну пошёл же, ради бога!», но и значительное.

Решил писать купание коней. Что может быть лучше?

...Волга потерялась среди звёзд. Пахнет большой, сильной водой. С меловых гор, согретых

за долгий день. скатываются потоки вязкого воздуха. Он густ и так усердно настоян на мяте, что во рту холодит, будто съел пряник. Далеко где-то, может, в пропасти, а может, на чёрном небе, среди тёплой тьмы горит смелый костерок.

парня, который тянет лошадь к себе. Лошади не видно, смутная фигура подгоняет эту невидимую лошадь, а ещё один мальчишка выезжает вдаль на берег. Река невероятная разлилась, вдаль по горизонту громоздятся то ли скалы, то ли чудовищные деревья.

Кузьма Сергеевич писал портрет не хуже телес, а вот робость жила-таки в нём.

Он глядел на свою картину — и всякий раз она озадачивала какой-то неприятностью. Не было в картине спокойствия и доброты, не было отблеска ночного костра

Купание красного коня. 1912 г.

Огонь выкрадывает у мрака лошадей, и они, рыжие, пламенеют, насторожённо вглядываясь в ночь, а когда огонь отступает, грезят и жуют.

Лошади, костёр, река. А вокруг, сверху и снизу — мир с добрым человеческим сердцем. Тук-тук-тук... Ночное...

И картина была написана.

Рыжая лошадь косила огромным белком на зрителя. Голый мальчик чистил гриву, другой, постарше, сидел на ней, натягивал повод. На втором плане художник разместил фигуру взрослого

День прошёл — радовался картине. На другой — задумался. Через неделю ходил тучей. Это было не то. Это было то, чего боялся Петров-Водкин. Картина, которая на земле ни прибавила, ни убавила...

Недаром, когда работа подходила к концу, вспоминался старый иконописец из Черемшанских скитов. Он писал фигуры святых и ни разу не осмелился прорисовать лик. Лики для икон творили другие живописцы. Это мучило старика — и замучило: с ума сошёл.

над Волгой, не было в ней детства, и мужества не было.

Может, неудача в том, что писана вещь с оглядкой на темноту жизни? Когда хочешь написать высокое, надо думать о высоком, надо верить в него беззаветно!

В эти трудные дни пришло счастливое письмо от Казариной, почитательницы художника, женщины богатой и со вкусом. Она помогала Кузьме Сергеевичу во время учёбы деньгами, а теперь — выгодными заказами. Казарина писала, что приобрела несколько икон работы новгород-

ских и московских мастеров XIII—XV столетий, просила посмотреть коллекцию...

Они встретились наконец — Петров-Водкин и Красный конь. Это был конь Георгия Победоносца. Хрупкий, тонконогий, он нес огромного всадника. Конь был изящен, как шахматная фигурка. Всадник — грозен и прямодушен, как его разящее копье.

Бросило в жар, а в следующий миг наступило вдруг такое спокойствие, что стали холодными ладони. Русская икона, русский дух, откровенность и высота помысла, наивность и тончайшее мастерство — вот она, земля русского художника!

...Дома Кузьма Сергеевич без жалости, с лёгким сердцем разрезал «Кунание коней» на куски. Поставил другой холст и начал заново.

Он рисовал коня. Это был конь, который не простит нам и толчки подлести; и на этом великом коне держался тоненький мальчик, не знающий скупоści, гордыни и унижения. Вздрыбил

коня, и застыли они оба — то ли махнут в такие выси, о которых людям и подумать трудно, то ли останутся здесь, среди земного и человеческого.

Новое рождение произошло. Художнику покорила вершина, с которой открывалась Страна великих просторов, великих дум и торжествующего умения. Он

Черёмуха в стакане. 1932 г.

создал то, о чём люди догадывались, но не знали, что это так близко. Так возьмите же, люди, это в свою жизнь! Сам он жил в

Красном коне высоко, всё дурное в человечестве не достигало его внимания, и человечеству было стыдно теперь хотя бы на один миг не почувствовать себя седоком величественного коня.

Красный конь объявился вовремя. 1912 год! Вспомнили вдруг: есть на земле океан, горы, орлы, герои. Опомнились: стоит ли думать о смерти, когда сестра её — жизнь!

Человечество не любит оставаться в долгу. Хорошо послужившим оно даёт медали. Кузьме Сергеевичу Петрову-Водкину за «Красного коня» тоже дали тяжёлую, большую, как медвежья лапа, бронзовую медаль. Но тут случилась война, картина затерялась где-то в Швеции, и нашли её лишь сорок лет спустя.

Может быть, оттого, что картина пропала, художник всё думал о ней, и не раз выходили из-под его кисти красные кони. Не на земле и не на воде уже были они, а в небе. Ведь стоит человеку размечтаться — и глаза его там, среди звёзд.

ЛИЦЕЙ

АЗБУКА живописи

Дорогие ребята! В рубрике "Лицей" мы решили познакомить вас с основными понятиями художественного мастерства.

Живопись подразделяют на станковую, монументальную и декоративную, а также на жанры (слово «жанр» — французского происхождения, означает оно «род», «вид»): исторический, батальный, бытовой, жанр портрета, пейзажа, натюрморта. Существуют разновидности живописной техники: масляная живопись, акварель, гуашь, темпера, пастель, фреска, мозаика и др. К выразительным средствам живописи относятся: композиция, цвет, ритм. С этими понятиями мы вас и познакомим.

Станковая живопись называется так потому, что картины пишутся на особом станке, называемом мольбертом. Это наиболее распространённый вид живописи. Возник он в эпоху Возрождения.

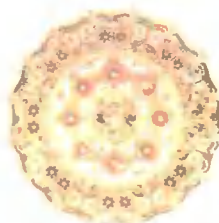
И.Фирсов. Юный живописец

Монументальная живопись — произведения большого масштаба, которые пишутся на поверхности стен или перекрытий зданий. Произведения монументальной живописи называют росписями. Монументальная живопись возникла ещё в глубокой древности (росписи на стенах пещер). Она была распространена в Древнем Египте, Греции, Риме, в средние века. В наше время произведения монументальной живописи украшают большие общественные здания:

Джотто. Встреча Иоакима с пастухами

Московское метро, Московский Дворец пионеров, фасады многих зданий в Мексике и др.

Тарелка золотая. XVII в. Государственные музеи Московского Кремля

Декоративная живопись (от латинского слова «украшать») тесно связана с живописью монументальной. Она входит в состав архитектурных сооружений и способствует украшению зданий; она включает в себя также театральные декорации. К декоративной живописи относятся предметы быта, расписанные красками, украшенные узорами. Во многих музеях имеются такие расписанные сундуки, коробки, прялки, деревянная посуда и т. д.

Продолжение см. в следующем номере

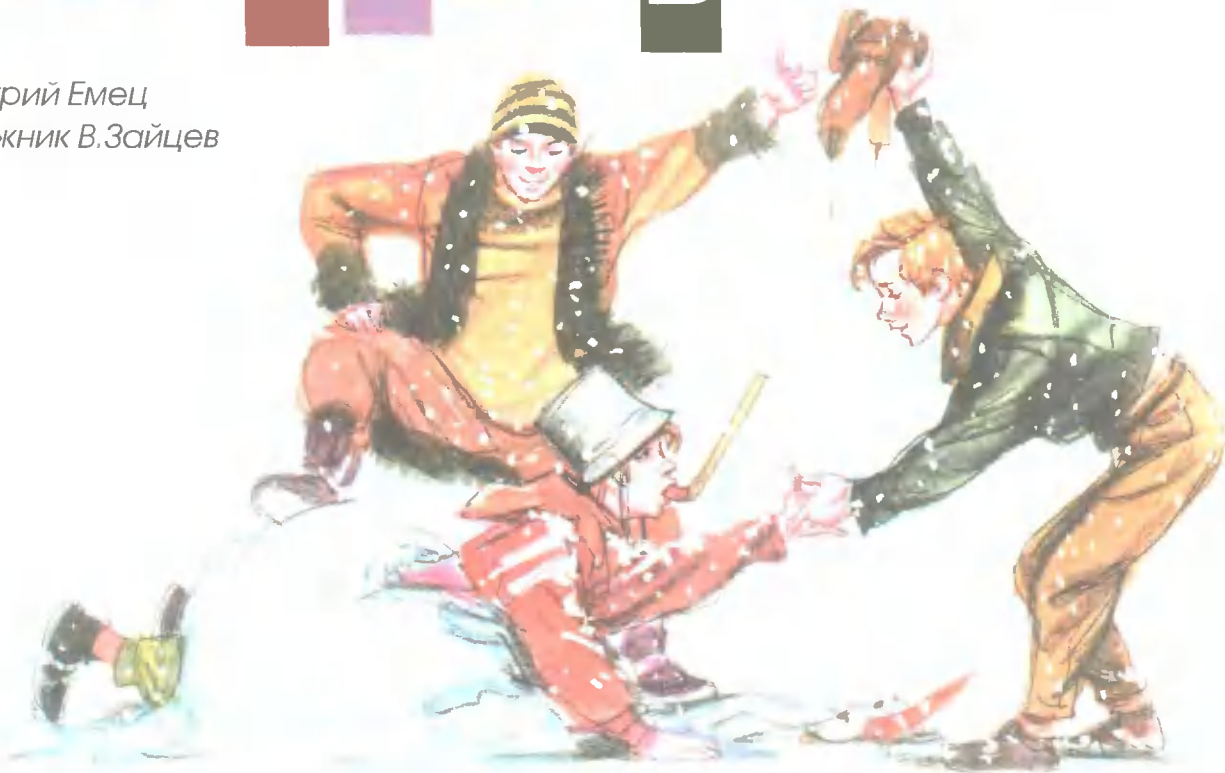

Маскировка

РАССКАЗЫ

Дмитрий Емец
Художник В. Зайцев

Дело было в зимние каникулы. Филька Хитров, Коля Егоров и Антон Данилов возвращались со дня рождения Риты Самойловой, где они только что посмотрели по видеку новый боевик. В фильме герой-нинзя маскировался, сливаясь с зеленью и стволами деревьев, нырял в озеро и дышал через бамбуковую трубку. Нинзя прятался так ловко, что его на протяжении всего фильма не могли схватить сотни самураев, преследующих врага по пятам.

— Спорим, я смогу так замаскироваться, что вы меня не найдёте, хотя будете совсем рядом! — вдруг заявил Хитров.

— Как бы не так! — засмеялся Коля Егоров. — Тоже мне нинзя нашёлся! И минуты не пройдёт, как мы тебя отыщем.

— Хорошо, — сказал Филька. — Посмотрим! Дайте мне три попытки и по полчаса времени на подготовку каждой.

— Как это — по полчаса? — не понял Антон.

— А так. Вы уйдёте со двора и пообещаете полчаса за мной не подглядывать, чтобы у меня было время замаскироваться.

— Да ты за полчаса на другой конец улицы убежишь. Естественно, там тебя не найдёшь, — хмыкнул Колька.

— Нет. Я обещаю прятаться только в нашем дворе.

— И никуда со двора не уходить?

— Никуда.

— А как мы узнаем, что ты именно во дворе прчешься, если мы тебя не найдём?

— А вы крикните мне погромче: «Сдаёмся!» — и я выйду из своего укрытия. Вот вы и убедитесь, что я именно во дворе, а не где-нибудь ещё.

— По рукам. Можешь прятаться три раза подряд. Но учти, если мы найдём тебя три раза из трёх, ты отдашь нам свой снежок, — предупредил Антон.

Филька задумался, что-то прикидывая.

— Ладно. Но если хотя бы раз вы меня не найдёте, тогда целый месяц покупаете мне по мороженому в день! — объявил он своё условие.

— Идёт! Тогда раз, два, три — начали!

Ребята засекли время и пошли к Данилову играть на компьютере, а Филька побежал домой готовить свою маскировку.

Ровно через полчаса Антон и Колька вышли во двор и осмотрелись. Они не раз играли здесь в прятки и знали все укромные места, так что были уверены, что им не составит труда найти Фильку. Но ни за железным ящиком с песком, ни за бортиками катка, ни за досками его не было, а больше прятаться было и негде.

— Ты уверен, что он не у себя дома сидит? — с сомнением спросил Данилов.

— Он не стал бы нарушать правила. Давай его получше поищем, — сказал Колька. — Нужно применить детективный метод.

Он стал внимательно оглядывать снег и заметил следы, которые шли от Филькиного подъезда к одному из деревьев. Егоров подошёл к этому дереву, поднял голову и увидел почти на самой верхушке сидевшего на ветке Хитрова.

— Слезай, нинзя! — крикнул он. — Мы тебя нашли!

Удручённый Филька спустился с дерева.

— Учтите: у меня остались ещё две попытки! — мрачно напомнил он.

— Хорошо, но не забудь про снежок. Через полчаса мы снова будем во дворе, — засмеялся Антон, и они с Колей снова скрылись в подъезде.

Филька некоторое время чесал затылок, оглядывая двор, а потом хитро ухмыльнулся.

Через полчаса ребята снова вышли из подъезда. Они опять осмотрели все укромные места и все верхушки деревьев на случай, если Филька вновь туда залез, но его там не было.

Тогда, вспомнив, как в таких случаях поступали самураи, Антон и Коляка разделили двор на секторы и обошли каждый участок шаг за шагом, но Хитрова так и не обнаружили. Двор вообще был пуст,

если не считать сгорбленной старушонки в платке, которая сидела на лавочке у соседнего подъезда.

— Ишь ты, как запрятался! И не найдёшь его! — сказал Коляка.

— Видишь ту бабу? Давай у неё спросим, где Филька! — предложил Антон. — Она тут сидела и видела, куда он спрятался.

— Это нечестно, — сказал Коляка.

— Но мы же не обещали, что не будем ни у кого спрашивать. Тебе что, охота целый месяц кормить его мороженым? Мы тихонько спросим, он и не узнает.

— Ну давай, — кивнул Коляка, и ребята подошли к старушке. Она, сгорбившись, сидела на лавке. Её лицо почти целиком было закрыто шерстяным платком.

— Бабушка, вы тут мальчика не видели? Куда он спрятался? — спросил Коляка.

Та ничего не ответила, а только ещё больше сгорбилась.

— Она, наверное, глухая, — сказал Антон.

Он хотел уже уйти, как вдруг случайно увидел ноги старушки. На ней были чёрные тупоносые ботинки, точно такие же, как у Фильки. Данилов запомнил эти ботинки, потому что сам хотел такие же.

Заметив, что мальчик рассматривает её ноги, старушка попыталась спрятать их под лавку, но было уже поздно. Антон заглянул ей под платок и увидел скрючившегося Фильку в женской шубе.

Ребята расхохотались, до того это было нелепо:

— Ну ты даёшь! Старухой вырядился! Надо бы тебя в таком виде сфотографировать!

— Если бы не ботинки, вы бы меня не нашли. Виноват я, что ли, что на меня бабушкины сапоги не налезли? — обиделся Хитров и помчался переодеваться.

— У тебя осталась последняя попытка! Время уже идёт! — крикнул ему вслед Антон.

Филька раздражённо отмахнулся от него и, пытаясь в старушечьей юбке, вбежал в подъезд. Антон и Коляка посмеялись над незадачливым приятелем и снова пошли играть на компьютере.

— Со старухой он неплохо придумал, но всё равно был обречён на проигрыш, — сказал Данилов. — В нашем дворе просто невозможно нормально спрятаться. Здесь всего-то и есть, что десяток деревьев, песочница и каток.

Полчаса спустя они снова вышли во двор. Ребята рассчитывали на этот раз найти Хитрова без особых хлопот, да не тут-то было. Ни подозрительных старушек на лавочках, ни новых следов на снегу на этот раз они не обнаружили. Друзья обошли весь двор, заглянули в каждое укромное место, внимательно осмотрели все деревья, но Филька как сквозь землю провалился.

— Нет его нигде! — сказал Коляка.

— Быть не может! Давай посмотрим по второму разу! — предложил Антон.

Увидев, что из подъезда вышла какая-то старушка, он с торжествующим воплем бросился к ней, крича: «Стой, ты разоблачён! Гони снежок!» — но Коляка сшиб его в сугроб.

— Ты что, одурел? Это моя бабушка! Она в магазин идёт!

— Ты уверен, что это твоя бабушка, а не Филька? — не поверил Данилов.

— Что я, по-твоему, своей бабушки не узнаю? — рассердился Егоров.

И они снова принялись за поиски. Целый час искали. Перерыли весь двор, даже заглянули в мусорный бак, но Филька словно в воздухе растворился.

— Ты всё это время в снеговике просидел? — поразился Антон.

— А где ещё?

— А как ты туда попал?

— Очень просто. Попросил малышня, и они меня закатали.

— А как же ты дышал?

— Через т-трубку! Смотрите и учитесь! — И Филька показал трубку ныряльщиков, конец кото-

Наконец, отчаявшись, они остановились посреди катка, на котором стоял большой снеговик с носом-морковкой.

— Смотри, снеговик, — сказал Колька.

— Да плюнь ты на него. Небось какая-нибудь малышня слепила, — отмахнулся Антон.

— Ты точно везде проверил?

— Точно.

— Может, он у себя дома сидит?

— Может, и сидит. Давай крикнем «Сдаёмся!», и если он не выйдет, значит, дома, — предложил Антон. — А если его нет во дворе, то он всё равно снежок проиграл. Мы не договаривались где-нибудь ещё прятаться.

— Хорошо, давай кричи, — согласился Егоров, и они закричали:

— Сдаёмся! Эй, Хитров, мы сдаёмся! Вылезай!

Филька не отзывался.

— Значит, он дома, — с облегчением сказал был Колька, но тут за их спиной внезапно раздалось: «Ап-чхи!»

Ребята повернулись, но кроме снеговика там никого не было. Друзья недоумённо переглянулись, не понимая, кто это мог чихнуть, но тут внезапно снеговик вздрогнул и рассыпался. Из него, чихая, показался Филька. Он был весь в снегу и дрожал.

— Н-ну ч-что, н-не н-нашли? — стуча от холода зубами, спросил он. — Т-так в-вам и н-надо!

рой, когда был внутри, незаметно выходил из затылка снеговика.

Это было явное поражение, и Данилов с Егоровым его признали.

— Чего ты дрожишь? — спросил Колька.

— З-замёрз. Ты попробуй целый час в снеговике проторчать. Даже пошевелиться нельзя! — сказал Филька, отряхивая снег.

— Ничего не поделаешь. Придётся тебя целый месяц мороженым кормить. Хочешь, первую порцию мы прямо сейчас купим? — предложил Егоров.

Синие Филькины губы задрожали, и он отшатнулся.

— М-мороженое! Только не с-сейчас! — И, чихая и дрожа, Хитров отправился к своему подъезду.

Антон посмотрел ему вслед и сказал:

— Бывшие снеговики мороженого не употребляют!

— Ничего, если он не заболит, я уверен, что завтра он передумает, — сказал Колька.

Так и произошло. Сумев отогреться, Филька целый месяц с видом триумфатора на глазах у всего класса поедал своё честно выигранное мороженое.

— Всё-таки Филька нас обхитрил, — говорил Данилов.

— Ты хочешь, фамилия у него такая! — от-вечал Колька.

Приморская ЦРДБ
197371 Комendantский пр., д. 30
тел.: 348-39-56

Владимир Волков

Город царевича Димитрия

Летние каникулы я обычно проводил на родине отца — в ярославской деревне Третьяковке. Но чтобы добраться до неё, мне сначала надо было доехать до Углича.

Мама сажала меня в ночной поезд на Савёловском вокзале, я быстро засыпал под неторопливое постукивание колёс, а просыпался уже ранним утром в Угличе. Дальше поезд не шёл — это была конечная остановка.

Но куда интереснее было плыть до Углича по Волге. На белом теплоходе. Мимо небольших городков, сёл и деревень. То там, то здесь из зелёного убранства берегов выглядывают маковки далёких церквей. Но вдруг... Пассажиры, впервые путешествующие по Волге, глазам своим не верят — посреди Угличского водохранилища возвышается белая колокольня. Неожиданное и печальное зрелище! Эта колокольня — единственное, что осталось от Никольского собора, стоявшего на торговой площади города Калязина, затопленной во время строительства водохранилища.

Прежде чем попасть в Углич, теплоход проходит через очередной судоходный шлюз — специальную камеру с затворами. С помощью шлюза теплоход как бы опускается вниз, в русло реки (уровень водохранилища выше, чем нижняя Волга).

Но вот наконец теплоход медленно подходит к пристани...

На землях, где ныне стоит Углич, люди селились давным-давно, ещё до нашей эры.

А вот летописное упоминание о городе относится к более поздним временам — к 1148 году. Получается, что Углич с Москвой — ровесники!

Своё название, судя по всему, город получил от слова «угол»: он расположен на мысу, который вдаётся в Волгу. Есть и другое объяснение. Город так называется потому, что здесь когда-то обитало славянское племя уличи.

Икона «Царевич Димитрий»

Поначалу город входил в состав Ростовского княжества, некоторое время был «столицей» самостоятельного княжества, а затем, как рассказывается в одной угличской летописи, его купил московский князь Иван Калита.

В конце XVI века в Угличе произошли события, которые имели самые трагические последствия для всей России. Речь идёт о гибели малолетнего царевича Димитрия.

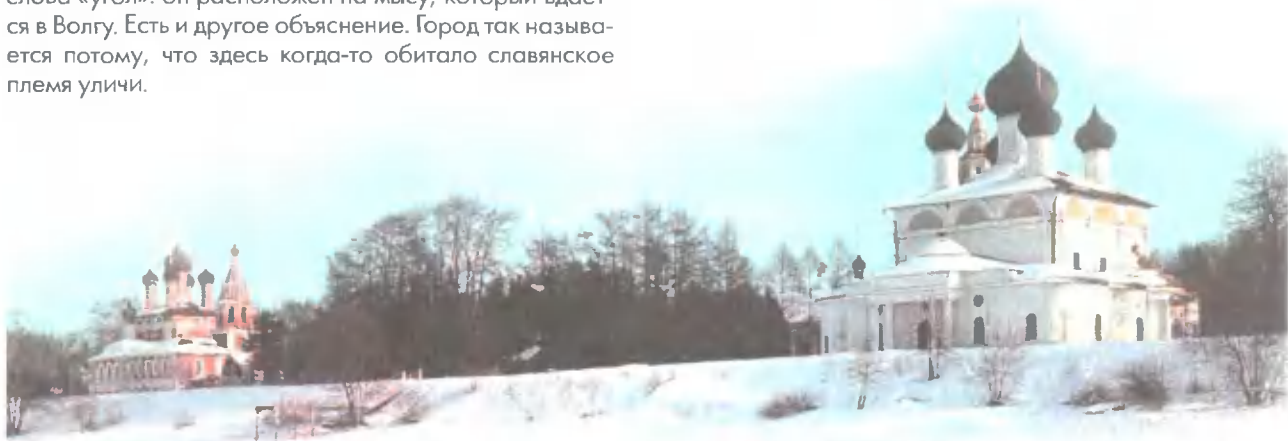
Поскольку на гербе Углича изображён именно образ «убиенного царевича Димитрия Иоанновича», уместно рассказать об этом подробнее.

...Малолетний царевич Димитрий, младший сын Ивана Грозного, вместе с матерью жили в Угличе, куда они были отправлены после смерти царя. К ним были «приставлены» люди Бориса Годунова, который правил в то время Россией вместо «болезного» царя Фёдора, среднего сына Ивана Грозного.

И вот в один майский день, а было это в 1591 году, тихий Углич был поднят на ноги призывным боем колокола. Сбежавшиеся в кремль люди увидели «бездыханное» тело девятилетнего Димитрия с порезанным горлом. Угличане набросились на людей Годунова и убили их, считая, что именно они виновны в гибели мальчика.

Потом было следствие, назначенное Годуновым. Оно пришло к другому выводу: царевич играл в ножи-чек («в тычку»), с ним случился припадок «падучей» болезни, и он сам «заколослся».

Но есть ещё одна версия случившегося, может быть, самая неожиданная: был убит и похоронен совсем другой мальчик, царевича же спрятали в надёжное место, где он должен был дожидаться своего часа, чтобы взойти на престол.

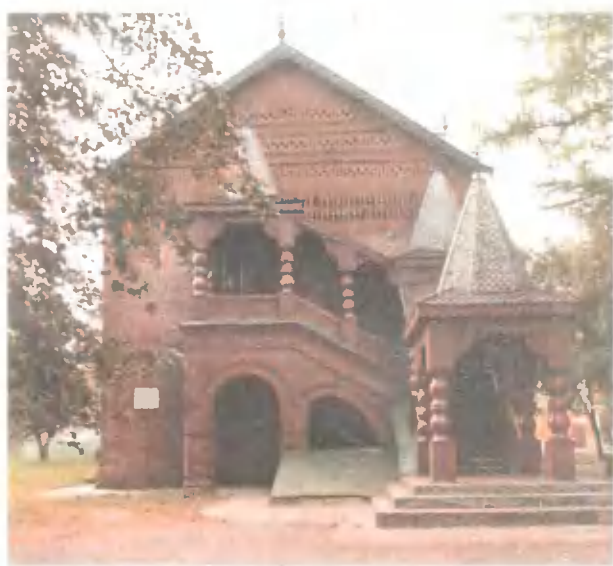

Загадочны обстоятельства, при которых, как писали тогда, «не стало» царевича Димитрия, но ещё более запутанна история с появлением в Смутное время двух Димитриев, которые объявили себя «природными» русскими царями. О том, кто они были на самом деле, историки спорят вот уже несколько столетий.

...Кремль — главная достопримечательность Углича.

Здесь, на месте гибели царевича стоит церковь Димитрия на Крови. На одной из её стен — подробное изображение того давнего события: вот царевич одева-

Кремль. Палаты царевича Димитрия

ется, вот выходит из своего дворца, вот на него набрасываются злодеи... В церкви находится и тот самый колокол, который возвестил о «погибели» Димитрия. Тогда многие угличане за расправу над людьми Годуново были жестоко наказаны. Досталось и колоколу. Его сбросили с колокольни, на площади при народе высекли, отрубили одно «ухо», вырвали «язык» и сослали в Сибирь, откуда он вернулся в свой родной город лишь в конце XIX века.

Рядом с упомянутой церковью стоят палаты царевича Димитрия. Именно из них он вышел в тот роковой день.

Эти кирпичные палаты — единственное, что сохранилось от дворца, построенного в XV веке угличским князем Андреем Большим, который, как никто другой, много сделал для города. Собственно, облик города, его центральной части, сложился при его княжении.

Сейчас в древних зданиях кремля располагается историко-художественный музей. Он — старейший в России (открыт в конце XIX века). Экспонаты музея можно разглядывать часами. Особенно интересны изделия местных ремесленников: кожевников, столяров, кузнецов.

Славилась и угличские каменщики. Построенные ими церкви до сих пор вызывают восхищение. Как, например, Успенская церковь Алексеевского монастыря, стоящая недалеко от центра города. В народе её называли Дивной. Эта церковь — одно из наиболее совершенных сооружений древнерусской архитектуры. Предполагают, что она построена в память героической защиты монастыря в Смутное время, когда его осаждали польские отряды. Тогда погибло более пятисот жителей города и окрестных деревень.

В Угличе хороши не только церкви, но и старинные жилые дома. Они отличаются особой добротностью,

ладностью, а некоторые и изысканной отделкой. Специалисты отмечают, что в Угличе, как ни в одном другом городе центральной России, сохранились жилые дома XVIII—XIX веков с их типичной планировкой и архитектурой.

Сохранилась и старая планировка города — к главной площади сходятся все основные улицы. Именно так было предписано отстраивать город по плану 1774 года.

Путеводитель 1913 года отмечает, что в Угличе «дремлют в непосредственном соседстве величавые

Алексеевский монастырь. Успенская (Дивная) церковь. 1628 г.

памятники минувшего и бесцветная современность захолустья».

Эта захолустность, слабое развитие городской экономики во многом объяснялись бездорожьем: весной и осенью грунтовые дороги раскисали так, что проехать по ним было невозможно, а летом мелела Волга, и сухоходное сообщение по ней прекращалось.

Современный Углич захолустным назвать никак нельзя.

Этот небольшой волжский городок является крупным промышленным центром Ярославской области. Он соединён с Москвой, Ярославлем и Ростовом шоссейными дорогами. В нём трудятся тысячи отменных мастеров.

Однако надо признать, что сегодня Углич переживает не лучшие свои времена. У него, как и у большинства малых российских городов, много проблем. Но это особый разговор.

...Как и тогда, в детстве, я добиралась до своей родной деревни на автобусе. Она в двадцати километрах от Углича.

Смотрю в окно — вот сейчас за поворотом дороги я увижу белые стены Николо-Улейминского монастыря. Этому монастырю-крепости, так же как и угличскому Алексеевскому, пришлось выдержать осаду во время польско-литовского нашествия.

«Возможно, и мои предки сражались в этом монастыре, — думаю я, — а потом приходили сюда пешком на молебны. Проезжали по этой дороге на подводах, везя на продажу в Углич то, что удалось вырастить на своих скудных землях. Проходили мимо его стен, отправляясь на войну, — как мой дед в 1914 году и отец в 1941-м. Чтобы защитить от врага и свою деревню и Углич на дальних подступах к ним».

Голубая бусинка

Художник О.Ионйтис

Бусы жили в маленькой деревянной коробке. Они сидели на нитке рядышком, одна за другой: за голубой бусинкой белая, за белой — голубая, и так далее до самого замочка на застёжке. В середине была самая крупная голубая бусинка, за ней по обе стороны шли бусинки поменьше, потом ещё поменьше и, наконец, совсем крошечные. На всех бусинках были надеты простые белые и голубые платица, а на голубой бусинке — голубое платице, вышитое блестящими нитками. Самая крупная голубая бусинка в блестящем платице считала себя самой красивой и самой главной бусинкой на нитке.

— Не подходите ко мне, — говорила она своим подружкам-бусинкам. — Вы испортите моё платье.

Бусинки отодвигались от неё ненадолго, но, поигравшись, забывали о словах своей подружки и опять задевали её красивое платье.

Голубая бусинка очень сердилась на них. А однажды произошло вот что.

Бусы увидела девочка.

— Ой, какие красивые... особенно вот эта — блестящая... — Девочка надела бусы на шею...

— Слышите! Я самая красивая! — закричала голубая бусинка. — Отойдите все от ме-

ня, а то люди не увидят, какая я голубая и блестящая!

— Вот ещё! — возмутились бусинки. — Ты красивая потому, что мы около тебя.

— Знать вас не хочу! Отодвиньтесь!

Бусинки отодвинулись в сторону. Девочка увидела, что маленькие бусинки отодвинулись от большой, и она решила поправить бусинки, сдвинуть их все вместе, чтоб не было видно нитки.

— Отодвиньтесь же от меня! — разозлилась голубая бусинка, отталкивая своих подружек.

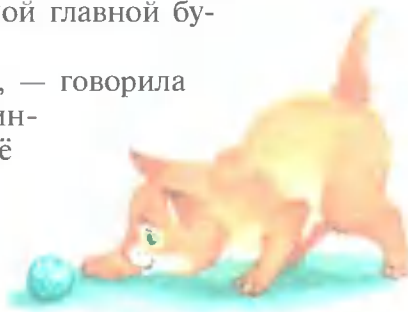
— Ну и пожалуйста, — сказали бусинки.

Нитка закрутилась, натянулась и... оборвалась.

Девочка испуганно вскрикнула, подставила руки, бусинки посыпались в её ладошки, а голубая проскользнула между пальцами, покатилась по полу и свалилась в небольшую щель за ножкой дивана. Здесь было темно.

— Вот тут я спрячусь, — тихонько сказала себе самой голубая бусинка. — Посмотрим, какие без меня будут бусы. Пусть теперь меня поищут...

Но её никто не искал. Девочка собрала бусинки на нитку и даже не заметила, что одной не хватает. Голубая бусинка лежала за ножкой дивана и скучала. Потом ей стало

грустно и одиноко. Она вспоминала свой домик-коробочку, своих подружек — маленьких бусинок и жалела о том, что часто обижала их.

Как-то раз под диван залез котёнок. Был он маленький, пушистый, с голубыми удивлёнными глазами.

— Ты кто? — спросил котёнок, увидев бусинку.

— Голубая бусинка. А тебя как зовут?

— Мартышка.

— Ты котёнок, а не мартышка.

— Не знаю... Но меня все зовут Мартышкой. Давай играть в «догонялушки».

— Не хочется, — сказала голубая бусинка.

— А почему ты такая скучная? — спросил котёнок.

— С подружками поссорилась. — И бусинка заплакала.

— Ну так пойдём мириться, — сказал котёнок, которого звали Мартышкой.

Он просунул мягкую лапку в щёлку и выкатил голубую бусинку из-под дивана.

— Ещё одна бусинка нашлась! — обрадовалась девочка. — Самая большая, самая красивая!

И она поместила голубую бусинку в середину, на старое место, и немного удивилась, что бусинки хоть и сидели на нитке тесно-тесно, а всё равно им словно не хватало этой бусинки.

Художник В.ЮДИН

Нос по ветру (держатъ)

Во времена парусного флота плавание по морю всецело зависело от погоды, от направления ветра.

Штиль, безветрие — и паруса никли, напоминая тряпку.

Дул противный, в нос корабля, ветер — и приходилось думать уже не о плавании, а о том, чтобы бросить все якоря — стать на якорь и убрать паруса, чтобы не дать воздушному потоку выбросить судно на берег. Для выхода в море нужен был попутный ветер, надувающий паруса и направляющий судно вперёд.

Связанная с этим морская лексика приобрела образность и вошла в литературный язык. Теперь *держатъ нос по ветру* значит в переносном смысле: приспособливаться к обстоятельствам. *Стать на якорь, бросить якорь* — осесть где-нибудь, остановиться в движении.

Сидеть у моря и ждать погоды — бездействовать в ожидании перемен.

На всех парусах — двигаться к какой-либо цели полным ходом, быстро, как только возможно.

Пожелать кому-либо попутного ветра — значит пожелать удачи.

Воробьиное ЗИМОВЬЕ

Александр
Иванов
Художник
Е. Устинова

Январь в тот год был особенно лютый. Идёшь по дорожке, а снег под ногами жжик-жжик — похрустывает. Мороз хватается за нос, щёки, руки прямо коченеют. На завод чуть ли не бежишь — гонит мороз. А в цехе тепло, светло, уютно. Привычно гудят вентиляторы, станки.

Бегу как-то по аллейке. В январе день короткий, на работу потемну приходишь. И вдруг слышу воробьиное чириканье. Воробьёв не вижу, а голоса рядом. Много голосов, стаи целой.

«Странно, — думаю, — где они ночуют?» Подхожу к старой берёзе. У нас на заводе всюду деревья посажены. «Так вот вы где устроились!» Вершину берёзы облепила стая. Со всей округи, видно, собрались. Вглядываюсь вверх, слышу сонное чириканье.

«Чего они оседлали эту берёзу? — думаю. — На берёзе не очень спасёшься от такой стужи».

Я давно знаю, что воробьи выносливые птицы, но на ночь они всегда прячутся в сараях, под крыши, на чердаках. А тут совсем голая берёза. Постоял, постоял и ушёл в цех, так ничего не поняв. А на следующее утро та же картина. И на третье утро я слышу воробьиное чириканье — воробьи упорно собира-

ются на ночь на одной и той же берёзе.

«Достаётся бедным пичугам, — думаю. — Но почему они именно эту берёзу выбрали? Сколько разных деревьев вокруг. Тут что-то не так». Я задираю голову вверх, слушаю сонные голоса и не могу найти объяснения странной привязанности воробьёв к старой берёзе.

В обеденный перерыв даже обошёл берёзу вокруг. Но она оказалась обычной, каких много растёт вокруг.

Но когда подумал и осмотрелся, я понял, почему воробьиная стая ночует на этом дереве.

Между двумя цеховыми корпусами сооружён фонтан. Он работает круглый год. Сюда поступает из цехов горячая вода, а назад, в цех, уходит охлаждённая. Вокруг фонтана посажены ивы, берёзы. Посмотришь на фонтан днём — огромный столб тумана стоит над ним. Деревья вокруг блестят от мельчайших льдинок, будто хрустальные. Красиво! А старая берёза стоит чуть в стороне, но и на неё от горячей воды тепло идёт. Вот воробьи и облюбовали её для своего ночлега. И тепло, и красиво.

Так всю зиму спасались здесь воробышки от морозов. Я же был доволен, что разгадал воробьиную хитрость.

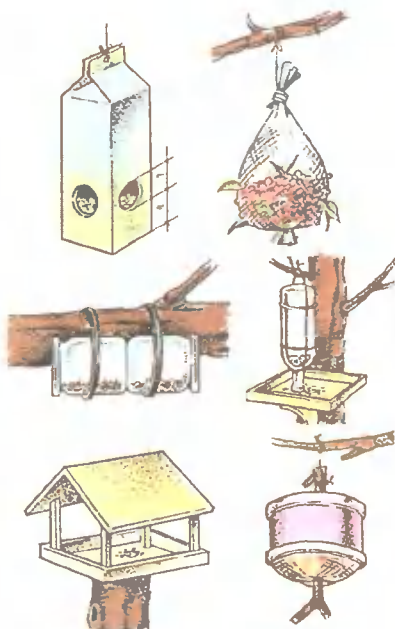

Покормите птиц!

Для любителей наблюдать за птицами есть отличный способ облегчить себе труд — сделать так, чтобы птицы сами прилетали на место наблюдения. Речь идёт об обыкновенных кормушках для птиц. Лучше всего этот способ подходит для зимнего времени, когда птицам труднее добывать себе пищу, а вы можете им выжить в тяжёлое время.

Кормушку надо повесить таким образом, чтобы она и соседние деревья или кусты были видны из окна. В этом случае наблюдать за птицами можно из тёплой комнаты, долго и в любое удобное время. Одновременно легче будет отмечать, когда нужно обновить запасы для птичьего пирса. Составьте список «посетителей», посмотрите, какие виды птиц какой пище отдают предпочтение, когда прилетают, как относятся к своим соседям.

Кормушки могут быть разных видов: дощечка на стойке, подвешенный на ветку пакет из-под молока с прорезанными стенками, квадратный кусок фанеры, картона или пластика, подвешенный за углы. Помните: зимой птицам очень нужна ваша забота!

Анатолий
Лельевр
Художник
Т. Погудина

У фотографа

Трое ребят — Глеб, Олег и Павлик — решили сфотографироваться.
— Только, чур, я не буду сидеть на стуле, — сказал Глеб.
— А я не буду сидеть рядом с Глебом, — сказал Олег.
— А мне все равно где сидеть, — сказал Павлик.
Сели как хотели.

Угадай: кто где сидит? Ответ см. на с. 24

Загадки-малышки

1. Сколько ушей у трёх мышей?

2. Сколько лап у двух медвежат?

3. В зоопарке он стоял,
Обезьянок всё считал.
Две играли на песке,

Три уселись на доске,
А двенадцать спинки грели.
Сосчитать вы их успели?

Ответ см. на с. 24

О & Ашишки

В Индии, начиная с детства,
женский род ходит с точками
на лбу.

Кругом было тихо, как будто
все вымерли... Какая красота!

В комнате громко тикали
солнечные часы.

Стихотворение написано в
рифму, что нередко наблю-
дается у поэта.

Плотность населения Авст-
ралии составляет четыре

квадратных человека на один
метр.

Тело млекопитающего состо-
ит из головы, туловища и че-
тырёх пар ног.

Дятел уселся и стал грызть
дерево.

И собака ушла, с благодарно-
стью виляя хвостом. Не мно-
гие люди могли бы так сде-
лать!

Длинными зимними холодными
вечерами она вязала длинные
зимние холодные свитера.

У нас в лесу зимой не осталось
ни одной певчей птицы, кроме
вороны.

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

*Искусство — движение человека, его вечный путь,
вечная борьба за новые и новые откровения.*

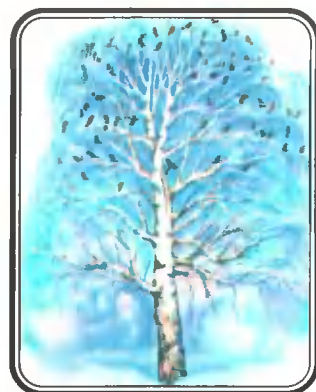
Кузьма Петров-Водкин

К. Петров-Водкин. 1918 год в Петрограде. Фрагмент. 1920 г.

РАССКАЗЫ:
Маскировка

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Воробьиное зимовье

ЛИЦЕЙ:
Азбука живописи